

ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ МОДЕЛИ АНАЛИЗА ТРАДИЦИОННЫХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЯЗЫКОВЫХ СТРУКТУР И ИХ СОВРЕМЕННЫХ АДАПТАЦИЙ

О.В. Александрова, С.М. Конурбаев

*Московский университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;
ovaleksandrova@gmail.com; salavat@konurbaev.ru*

Аннотация: В статье рассматривается проблема изучения фольклорных языковых структур, начиная от традиционных сюжетов и заканчивая современными киноадаптациями. Актуальность исследования связана с неугасающим интересом к фольклору в современном обществе, в частности в кинематографической среде, находящейся в непрерывном поиске неизбитых и одновременно понятных зрителю сюжетов. Значительная часть статьи посвящена подробному изучению существующих систем классификации и анализа фольклорных текстов, на прочном фундаменте которых основывается предлагаемая модель отслеживания трансформаций, происходящих в фольклоре. Включающая как черты новаторства, так и опыт традиционной фольклористики, представленная модель содержит в себе четыре когнитивные стадии (наблюдение, рационализация, категоризация и метафоризация), позволяющие анализировать изменения в восприятии фольклора в данный момент в данной цивилизации, объяснять и предсказывать успешность тех или иных сюжетов.

Ключевые слова: фольклор; когнитивные стадии; наблюдение; категоризация; рационализация; метафоризация; киноадаптация

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-05-10

Для цитирования: Александрова О.В., Конурбаев С.М. Опыт построения когнитивной модели анализа традиционных фольклорных структур и их современных адаптаций // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 5. С. 117–130.

AN EXPERIENCE IN CONSTRUCTING A COGNITIVE MODEL FOR ANALYZING TRADITIONAL FOLKLORE LANGUAGE STRUCTURES AND THEIR MODERN ADAPTATIONS

Olga V. Aleksandrova, Salavat M. Konurbaev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; ovalessandrova@gmail.com; salavat@konurbaev.ru

Abstract: The article is dedicated to the problem of studying folklore structures, including traditional plots and modern film adaptations. In today's society, this paper is particularly relevant due to the undying interest in folklore, especially in the film industry, which is in constant search of original and at the same time audience-friendly stories. A large portion of the article is dedicated to a detailed study of the existing systems of classification and analysis of folklore texts, which the proposed model of tracking transformations occurring in folklore is based on. The model, incorporating both the features of innovation and the experience of traditional folklore studies, comprises four cognitive stages (observation, rationalization, categorization and metaphorization). This provides an opportunity to analyze changes in the perception of folklore in a given civilization at any moment, as well as to explain and forecast the success of various storylines.

Keywords: folklore; cognitive steps; observation; categorization; rationalization; metaphorization; film adaptation

For citation: Aleksandrova O.V., Konurbaev S.M. (2025) An Experience in Constructing a Cognitive Model for Analyzing Traditional Folklore Structures and Their Modern Adaptations. *Lomonosov Philology Journal. Series 9*, no. 5, pp. 117–130.

Научный интерес к фольклору пробуждается на рубеже XVIII–XIX вв. и получает свое развитие в русле развиваемых сторонниками романтизма идей о самосознании нации, уникальности языка и культуры каждого народа. Первым теоретическим направлением фольклористики становится мифологическая школа, возникшая в начале XIX в. на базе воззрений немецких философов и писателей-романтиков: Ф.В. Шеллинга, братьев А.В. Шлегеля и Ф. Шлегеля, К. Брентано, А. фон Арнима, Й. Гёппеса, братьев Я. Гримм и В. Гримм. В это время предпринимаются первые попытки собирания и объединения устного народного творчества: «Волшебный рог мальчика» (1806–1808) [Волшебный рог мальчика 2024], «Детские и семейные сказки» («Сказки братьев Гримм», 1812) [Сказки братьев Гримм 2012]. Издается фундаментальное исследование Я. Гримм — «Германская мифология» (1835) [Гримм 2018]. Мифологическая школа получила распространение во многих странах, во второй

половине XIX в. ее последователями были М. Мюллер и Дж. Кокс (Великобритания); А. де Губернатис (Италия), М. Бреаль (Франция), А. Пикте (Швейцария). В России виднейшими представителями школы в 1840–1850-х гг. были А.Н. Афанасьев, выдающийся собиратель русского фольклора («Народные русские сказки», 1855–1863) [Народные русские сказки А.Н. Афанасьева, 1957–1958], автор трехтомного труда «Поэтические воззрения славян на природу» (1865–1869) [Афанасьев, 1994], и Ф.И. Буслаев, изложивший свои взгляды в работе «Исторические очерки русской народной словесности и искусства» (1861) [Буслаев 1861]. Представители этого течения, независимо от их толкования происхождения мифа (существовали метеорологическая, солярная, демонологическая и др. теории), видели основу древней мифологии в идее обожествленной природы. Под влиянием мифологической школы написаны работы А.Н. Веселовского («Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса», 1868 [Веселовский 2010a]; «Сравнительная мифология и ее метод» (1873) [Веселовский 2010b] и А.А. Потебни («Из записок по теории словесности», 1874) [Потебня 1905] и др.

В противовес мифологической школе во второй половине XIX в. появляется антропологическая, объясняющая сюжетную схожесть фольклора разных народов единством биологической природы человека. Ее крупнейшие представители — англичане Э.Б. Тайлор и Дж. Фрейзер — были сторонниками теории самозарождающихся сюжетов. В дальнейшем сходные идеи будут развиваться американской этнопсихологической школой и школой Д.Н. Овсянико-Куликовского в России. В начале XX в. фольклористика развивается под влиянием психоаналитических теорий: мифы и сказки начинают пониматься как отражение архетипического коллективного бессознательного (европейская неомифологическая и американская магически-ритуалистическая школы). Противопоставлена перечисленным концепциям историческая школа, стремившаяся объяснить русский фольклор через историю. Ее сторонники (В.Ф. Миллер, А.В. Марков, С.К. Шамбинаго и др.) сопоставляли реальные события с сюжетами и искали прототипы сказочных образов. С середины XX в. определяющим для фольклорной науки становится структурализм: в отечественной науке в этом русле написаны работы В.Я. Проппа («Морфология сказки» (1928) [Пропп 1928]; «Исторические корни волшебной сказки» (1946) [Пропп 1986]), Д.К. Зеленина («Восточнославянская этнография» (1927) [Зеленин 1991]), А.П. Скафтымова («Поэтика и генезис былин» (1924) [Скафтымов 1924]), Е.М. Мелетинского («Миф и сказка» (1970) [Мелетинский 1998]; «Структура волшебной сказки» [Мелетинский 2001]), С.Ю. Неклюдова («О некоторых аспектах исследования фольклорных моти-

вов» (1984) [Неклюдов, 1984]) и др. Под воздействием структурализма развиваются тенденции к категоризации и осмыслению фольклора с точки зрения соответствия мотивов и сюжетов объединяющим их схемам.

Уже у истоков фольклористики отмечается стремление исследователей к классификации мифологических и сказочных сюжетов. Так, в первом издании «Народных русских сказок» А.Н. Афанасьева еще не вводится тематическое деление, а во втором, вышедшем посмертно в 1873 г., присутствует разграничение по разделам: сказки о животных, волшебные сказки, новеллистические, бытовые сатирические сказки и анекдоты [Афанасьев 1873]. Однако отсутствие методологической точности, значительная доля субъективизма, а подчас и неверное толкование фольклорных сюжетов под воздействием идей мифологической школы, приводит к невысокой оценке трудов исследователей этого периода более поздними учеными: отмечается, что теории Гримма, Шварца и М. Мюллера доведены А.Н. Афанасьевым до крайности, а в своих работах «он не всегда разграничивает объективное изложение фактов и собственные субъективные выводы» [Зеленин 1991: 13–14]. Аналогичную оценку получают и небольшие, посвященные мифу и мифологии труды А.А. Потебни [Зеленин 1994: 14]. Однако именно сборник русских сказок А.Н. Афанасьева послужил материалом для составленного в 1910 г. А.А. Аарне «Указателя сказочных типов» [Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне, 1929], на русский язык переведенного, с дополнениями и расширениями, в 1929 г. Н.П. Андреевым. Однако представленная классификация была лишена достаточной научной базы: в ней не разграничены понятия «сюжет» и «мотив», не уделено внимания функциям мотивов. Гораздо более детальному осмыслению подвергнута терминология фольклористики в трудах А.Н. Веселовского, говорившего о необходимости «...построить морфологию сказки» [Веселовский 1940а: 459] и понимавшего под мотивом «простейшую повествовательную единицу, образно ответившую на разные запросы первобытного ума или бытового наблюдения» [Веселовский, 1940б: 500], а под сюжетом — «тему, в которой снуют разные положения-мотивы» [Веселовский, 1940б: 500]. При этом признаком мотива по А.Н. Веселовскому служит «его образный одночленный схематизм» [Веселовский 1940а: 494] — формула $a+b$: например, «злая старуха не любит красавицу — и задает ей опасную для жизни задачу» [Веселовский 1940а: 495]. Приращение к компоненту b (увеличение числа задач или испытаний на пути героя) приводило к расширению мотива до сюжета. Постепенно механизм построения сюжета осмыслялся, становился сознательным, а сюжет сказки превращался в «акт творчества» [Веселовский

1940а: 495]. Выстраивание морфологии волшебной сказки во многом удалось реализовать В.Я. Проппу, выделившему тридцать одну функцию, реализуемую действующими лицами, которых, в свою очередь, семь — герой, вредитель, отправитель, даритель, волшебный помощник, царевна, ложный герой. Однако, как отмечают исследователи [Аникин 1985: 181–188], предложенная классификация имеет существенные недостатки, игнорирует художественную природу изучаемого материала [Аникин 1985: 182] и не может выступать критерием, определяющим жанр: под указанную схему подходят не только волшебные сказки, но и сказки о животных, и некоторые другие. По замечанию В.П. Аникина, «изучение какой-либо сказки обязывает к анализу вариантов, к анализу той динамики, которая, однако, обнаруживает и статичность, границы, пределы возможных колебаний» [Аникин 1985: 185]. Однако неоспоримым преимуществом работы В.Я. Проппа является акцент на синхроническом описании, которое, по мнению Е.М. Мелетинского, должно предшествовать диахроническому [Мелетинский 2001: 164]. Проблема осмысления структуры фольклорного произведения вне отрыва от его художественного единства по-прежнему стоит перед исследователями-фольклористами, но теперь в еще более сложном виде, требующем анализа не только первоначального фольклорного текста, но и его кинематографической интерпретации.

В связи с этим мы считаем необходимой разработку новой методологии исследования традиционных фольклорных текстов и их синхронических и диахронических интерпретаций — вплоть до современных экранных форм, — которая помогла бы нам сравнительно исследовать модификации и интерпретации фольклорных текстов через призму междисциплинарных подходов, включая культурологию, антропологию и философию. Такая методология могла бы обогатить подход к фольклору, предоставив возможность увидеть его как живую, динамичную систему, феноменологически взаимодействующую с человеком и обществом.

Фольклор, являясь живым языковым представлением когнитивной системы цивилизации, испытывает постоянное влияние со стороны меняющегося мировоззрения тех, кто его создает, передает и переосмысляет. Представление о фольклоре как о статичной, оставшейся глубоко в веках устной традиции, знакомство с которой возможно только по сборникам сказок или легенд, ведет к искажению восприятия значимости фольклорной традиции в современном мире. В действительности фольклор — непрерывно развивающаяся и преобразующаяся система познания мира, яркое свидетельство человеческого стремления создавать, делиться и интерпретировать истории, верования и обычаи, отражающие коллективный опыт

сообщества. Важно понимать, что в фольклоре «удерживаются только такие формы, которые для данного коллектива оказываются функционально пригодными» [Богатырев, Якобсон 1971: 372], фольклорные произведения, в отличие от индивидуально-авторских, подвергаются непрерывной «предварительной цензуре коллектива» [Богатырев, Якобсон 1971: 372]: все, что непонятно коллективу, обречено на гибель. А. Дандес, рассуждая о взаимодействии фольклора и истории, замечает: «Важно, что происходило на самом деле, но не менее важно, как люди представляют себе то, что происходило, или каким бы они хотели представить себе происходившее» [Дандес 2003б: 85]. Одной из важнейших трансформаций, произошедших с фольклором в современном мире, становятся анимационные адаптации, в которых известные сюжеты получают новое прочтение. Однако происходящие трансформации не являются бессистемными и непредсказуемыми, а происходят по определенным законам, часть из которых может быть описана при помощи модели когнитивной трансформации, состоящей из четырех компонентов: наблюдения, рационализации, категоризации и метафоризации.

Модель когнитивной трансформации представляет собой органичное дополнение четырех философских столпов, на которые исторически опирается фольклор: онтология, эпистемология, аксиология и телеология. Именно этими гранями философии очерчен «портрет» каждой цивилизации: они демонстрируют принятые у данного народа в данный момент времени механизмы восприятия реальности, накопления знания, ценностные ориентиры и цели. Однако фольклор — не просто абстрактное отражение этих категорий, но и динамично трансформирующаяся система, показывающая, как культуры смещаются по спектру между рационализацией и метафоризацией. Этот спектр, как мы предлагаем, может быть уточнен до когнитивной модели, включающей в себя наблюдение, рационализацию, категоризацию и метафоризацию. Учеными в области фольклористики было разработано большое количество теоретических подходов — структурный, функциональный, психоаналитический, ориентированный на результативность, и когнитивный, проливающий свет на природу этих общественных нарративов. В настоящей статье предлагается рассмотрение когнитивной модели, отражающей переход рассказчиков от простой фиксации эмпирического опыта к высокосимволическому выражению.

Рассмотрим подробнее каждый из компонентов, или когнитивных стадий, предлагаемой нами модели:

Наблюдение (Observation) — это непосредственное эмпирическое утверждение, создающее сюжет (сценарий). На этапе наблюде-

ния не делается заявлений о сверхъестественном; это просто констатация того, что было замечено или что произошло.

Например, в ирландской сказке о привидениях, записанной Генри Глэсси, рассказчик может начать со слов: «Я шел домой в сумерках и увидел свет, танцующий за старым каменным забором». Такого рода заявления звучат как прямой рассказ очевидца — простой и почти «журналистский».

Рационализация (Rationalization) — это причинно-следственное или моральное истолкование феномена, объединяющее местные верования о духах, табу или космической справедливости.

В терминах В.Я. Проппа рационализация иногда соответствует нарративным «функциям», под которыми понимается «поступок действующего лица, определенный с точки зрения его значимости для хода действия» [Пропп 1928: 30–31]. Например, функция «недостача»: «одному из членов семьи чего-либо не хватает, ему хочется иметь что-либо» [Пропп 1928: 45]. Причинно-следственная логика служит развитию сюжета и отражает представления сообщества о взаимодействии сверхъестественного и повседневного.

Категоризация (Categorization) — это отнесение явления к определенному типу или классификации. Сказка, обозначенная таким образом, вписывается в более широкий круг признанных мотивов, например в систему мотивного индекса Стита Томпсона или классификацию народных сказок Аарне — Томпсона — Утера (ATU) [Uther 2004]. Благодаря категоризации повествование вписывается в ряд известных сюжетов и приобретает особую значимость, вплетаясь в культурную «таксономию» легенд, рассказов о привидениях, ведьмах или трикстерах. Например, огни относятся к категории «историй о блуждающих огоньках», или это событие — явление «заблудшей души».

Метафоризация (Metaphorization) — это процесс наращивания символического смысла истории. Метафора в фольклоре превращает повседневные наблюдения в выражения коллективной идентичности, экзистенциального размышления или моральной доктрины. Например, огни символизируют беспокойный дух наших предков. Непочитание их указывает на потерю связи человека со своей родословной. Местный призрачный свет становится метафорой памяти о предках, моральной ответственности или космической справедливости.

Механизм действия описываемой нами модели, которую для краткости будем называть О–Р–С–М (Observation–Rationalization–Categorization–Metaphorization), можно продемонстрировать на примере описания леса в сказках. Лес может быть «просто лесом» (наблюдение). Однако по мере развития сюжета лес становится

«опасным, потому что он проклят» (рационализация), классифицируется как «дикое место за пределами цивилизации» (категоризация) и, наконец, может обозначать символическую область бессознательного — место столкновения героя со своими страхами (метафоризация).

В основе предлагаемой нами модели лежит комплексный анализ фольклорного текста, те или иные элементы которого неоднократно применялись учеными-фольклористами. А. Дандес не раз отмечал, что в одной и той же истории можно выделить несколько когнитивных уровней, позволяющих сочетать буквальные события с их символическим подтекстом. Так, интерпретируя английскую городскую легенду о Кровавой Мэри и «исчезающем хичхайкере» как «нарратив моралистического характера, как рассказ-предостережение» [Дандес 2003а: 243], А. Дандес видит в этих историях символически представленный процесс превращения девочки в женщину: «Девушка, путешествующая автостопом, то есть позволяющая “подвезти” себя совершенно незнакомому человеку (мужчине), подвергается риску лишиться девственности...» [Дандес 2003а: 243–244]. Л. Дег в книге *Narratives in Society* (1995) [Dégh 1995: 401] размышляет о многозначной природе легенд: начиная свое развитие от первоначального свидетельства (наблюдения), они быстро обрастают причинно-следственными, моральными и символическими слоями.

Независимо от исследуемого материала эксперты в области фольклора становятся наблюдателями процесса движения от изложения фактов к объяснению, затем — к более широкой категоризации и, наконец, к метафорической интерпретации, находящей отклик в культуре. Внедрение этого четырехэтапного процесса редко осознается рассказчиками и слушателями: он происходит органично, часто на протяжении поколений. Тем не менее, его сознательное отслеживание позволяет нам увидеть путь взаимодействия сообщества с неизвестным и трансформацию мимолетных переживаний в повествовательную константу. Более старые научные теории, такие как структурный анализ В.Я. Проппа («Морфология сказки», 1928 [Пропп 1928]) и функциональный подход Б. Малиновского (*Myth in Primitive Psychology*, 1926 [Malinowski 1971]), отражали только часть картины. Их концепции не всегда объясняют, как происходит усвоение фольклорным корпусом нового опыта и происходящих аномалий.

Движение от наблюдения к объяснению, затем к классификации и, наконец, к символической или мифической интерпретации лежит в основе бесчисленных произведений фольклора, начиная от мифов о древних божествах и заканчивая «*крипипастой*», получившей широкое распространение в социальных сетях. Так, в «Красной шапочке» маленькая девочка должна навестить свою бабушку, взяв

с собой корзинку с едой (наблюдение), при этом ей запрещено сходить с дороги, потому что в лесу притаился волк, представляющий реальную (и моральную) опасность (рационализация). С точки зрения классификации, волк относится к персонажам-трикстерам или хищникам в сказках. На метафорическом уровне он символизирует обман, сексуальное хищничество и опасности, связанные с невинностью. На протяжении веков «Красная шапочка» трактовалась как аллегория утраченной невинности, опасностей подросткового возраста или даже запретных социальных границ. Точно такой же когнитивно-лингвистический механизм формирует фольклорный феномен, лежащий в основе *крипинасты* о «Слендермене»: история получает развитие из сообщений о высокой фигуре без лица в лесу (наблюдение), слухов о похищении детей, которым одиноко и страшно (рационализация). В новом лексиконе *крипинасты* Слендермен классифицируется как навязчивое существо, сродни призраку/демону. Безликий, скрывающийся в цифровом или психологическом пространстве, Слендермен становится метафорой подростковых тревог, выражающих первобытный страх социальной изоляции или отчуждения.

Применение подхода О–R–С–М позволяет связать, на первый взгляд, далекие друг от друга явления, фольклор «начала времен» и современный кинематограф, — и продемонстрировать эволюцию человеческого менталитета от раннего донаучного чуда к сегодняшним глобальным франшизам поп-культуры. В основе древних знаний и современных голливудских блокбастеров лежит общая прогрессия: от наблюдения к метафоризации. Первобытное общество, сталкиваясь с плохо объяснимыми явлениями природы и странным поведением животных, стремилось рационализировать наблюдаемое доступными способами: гром мог быть колесами колесницы небесного бога, затмение — указывать на всепожирающего демона, необъяснимая болезнь могла быть вызвана оскорбленным духом. Идентифицируя и группируя богов, фигуры обманщиков или чудовищных существ, более ранние культуры заложили основу для ментальной библиотеки архетипов. На стадии метафоризации исходные данные и объяснительные рамки стали мощными символами, часто используемыми для изучения вопросов морали, социальных норм и космической справедливости. Древние эпосы, такие как «Гильгамеш» или «Махабхарата», не просто повествовали о событиях, но раскрывали аллегорический смысл хрупкости жизни, связи между людьми и божественным началом. Мифы структурировали реальность, придавая ценность повседневному опыту.

Всплеск интереса к фольклору в XIX в. объясняется стремлением сохранить угасающую в эпоху индустриализации и развития науки

устную культуру. В это время произошел сдвиг в восприятии каждой из стадий О–R–С–М-модели. Старинные обычаи и ритуалы подвергаются массовой рационализации: создаются архивы и сборники; теологическая интерпретация метафор замещается психологической.

С появлением кинематографа в XX в. фольклор превращается в источник сюжетов, готовых к адаптации на киноэкранах. В качестве примеров можно упомянуть ранние мультипликационные фильмы Уолта Диснея «Белоснежка» (1937), «Золушка» (1950) и «Спящая красавица» (1959), которые тоже соответствуют схеме. Вневременные человеческие переживания (страх, любовь, предательство) получают обоснование (через магические проклятия, королевские родословные, героические судьбы), а затем подвергаются категоризации (сказочная принцесса, злая мачеха, принц) и метафоризации, затрагивающей вечные ценности (сила невинности, неотвратимость правосудия), вызывающие у зрителя чувство сопричастности традиционному мировоззрению.

Переход от «древних времен» к эпохе изучения фольклора, а затем к кинематографической эпохе не влечет за собой фундаментального сдвига в психических процессах. Модель О–R–С–М по-прежнему функционирует как направляющая и определяющая творческий процесс. Замечая нечто экстраординарное, человек изобретает причины, по которым оно могло бы существовать, а затем классифицирует его наряду с подобными явлениями и, наконец, использует для объяснения наиболее актуальных вопросов: морали, судьбы, веры. Таким образом, процессы, которые были основой повседневной жизни в дописьменных обществах, к концу XIX в. стали обсуждаться в академических кругах, а в современном мире превратились в удачные коммерческие проекты.

В качестве заключительного примера рассмотрим, как может быть применена О–R–С–М-модель для анализа предпосылок успеха «Гарри Поттера».

1) **Наблюдение.** В 1960–1990-х гг. в Великобритании возрождается интерес к детской литературе, объединяющей фантастические и реалистические черты (в качестве примера можно привести сказочную повесть «Чарли и шоколадная фабрика» Р. Даля (1964) [Dahl 1964] или фантастический роман «Ходячий замок» британской писательницы Д.У. Джонс (1986) [Jones 1986]. Магия, проникающая в повседневную жизнь, становится способом побега от социально-экономического давления, доминирования технологий и культуры всеобщего потребления.

2) **Рационализация.** Дж.К. Роулинг и ее предшественники выстраивают «магический мир» по модели реального мира: существу-

ет параллельная человеческой бюрократия для магии: министерства, школы с учебными планами и т. п. Так у магии появляется рациональный фундамент.

3) **Категоризация.** История Дж.К. Роулинг напоминает уже известные читателю сюжеты о школах-интернатах и приключениях детей («Школьные годы Тома Брауна» Т. Хьюза (1857) [Hughes 1857], рассказы Э. Блайтон: например, «Великолепная пятерка» (1942) [Blyton 1942]).

4) **Метафоризация.** Хоргвартс — это своеобразная метафора процесса взросления, сопровождающегося формированием идентичности, моральным выбором, переживанием подростковых страхов. Конфликт Гарри Поттера и Волан-де-Морта символизирует протест против тирании, что отражает британское самовосприятие времен Второй мировой войны, а противопоставление «чистокровных» «маглорожденным» отражает существующие социальные проблемы (классовое неравенство, расизм и т. п.).

Таким образом, во всех четырех элементах О–R–C–M-модели популярность «Гарри Поттера» обусловлена социальными и культурными реалиями и удовлетворяет общественный и культурный запрос на магические истории.

Несмотря на то, что фольклор перестал быть неотъемлемой частью жизни, он остается убедительным и понятным для нас, так как неизменным остался процесс осмысления и восприятия: допуская, что мир может содержать больше, чем кажется, мы переосмыслием наблюдаемые явления, обнаруживая в них известные архетипы, и получаем символическое вознаграждение — удовлетворение наших экзистенциальных потребностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аникин В.П. Принципы жанрово-тематической классификации и архивной систематизации сказок // Русский фольклор. Вып. 23. 1985.
2. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: В 4 кн. М., 1873.
3. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М., 1994.
4. Богатырев П.Г., Якобсон Р.О. Фольклор как особая форма творчества // Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 369–383.
5. Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства: В 2 т. СПб., 1861.
6. Веселовский А.Н. Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса // А.Н. Веселовский. Избранное. На пути к исторической поэтике. М., 2010. С. 79–166.
7. Веселовский А.Н. Из лекций по истории эпоса // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940. С. 446–493.
8. Веселовский А.Н. Поэтика сюжетов // Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л., 1940. С. 493–597.

9. Веселовский А.Н. Сравнительная мифология и ее метод / Веселовский А.Н. Избранное. На пути к исторической поэтике. М., 2010. С. 167–211.
10. Волшебный рог мальчика: старинные немецкие песни, собранные Ахимом фон Арнимом и Клеменсом Брентано / Пер. с нем. С. Городецкого. СПб., 2024.
11. Гримм Я. Германская мифология: В 3 т. / Пер. с нем. Д. С. Колчигина. М., 2018.
12. Дандес А. Кровавая Мэри в зеркале: ритуал и половое созревание // Фольклор: семиотика и/или психоанализ / Пер. с англ. А. С. Архиповой и др. М., 2003. С. 231–248.
13. Дандес А. Проекция в фольклоре: в защиту психоаналитической семиотики // Фольклор: семиотика и/или психоанализ / Пер. с англ. А. С. Архиповой и др. М., 2003. С. 72–108.
14. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография / Пер. с нем. К. Д. Цивинной. М., 1991.
15. Мелетинский Е.М. Миф и сказка // Избранные статьи. Воспоминания. М., 1998. С. 284–296.
16. Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С., Сегал Д.М. Структура волшебной сказки. М., 2001.
17. Мелетинский Е.М. Структурно-типологическое изучение сказки // Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С., Сегал Д.М. Структура волшебной сказки. М., 2001. С. 163–199.
18. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. М., 1957–1958.
19. Неклюдов С.Ю. О некоторых аспектах исследования фольклорных мотивов // Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов / под ред. Б. Н. Путилова. Л., 1984. С. 221–229.
20. Потебня А.А. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905.
21. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.
22. Пропп В. Я. Морфология сказки. Л., 1928.
23. Сказки братьев Гримм: В 2 т. / Пер. с нем. М., 2012.
24. Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин. Саратов; М., 1924.
25. Указатель сказочных сюжетов по системе Ааарне. Л., 1929.
26. Blyton E. Five on a Treasure Island. London, 1942.
27. Dahl R. Charlie and the chocolate factory. New York, 1964.
28. Dégh L. Narratives in Society: A Performer-Centered Study of Narration. Folklore Fellows' Communications. Helsinki, 1995.
29. Hughes T. Tom Brown's Schooldays. Cambridge, 1857.
30. Jones D.W. Howl's Moving Castle. New York, 1986.
31. Malinowski B. Myth in Primitive Psychology. New York, 1971.
32. Uther H.-J. The types of international folktales. A classification and bibliography. Parts I–III. Helsinki, 2004.

REFERENCES

1. Anikin V.P. *Printsipy zhanrovo-tematicheskoy klassifikatsii i arkhivnoy sistematizatsii skazok* [Principles of genre-thematic classification and archival systematization of fairy tales]. Russkiy fol'klor. Ed. 23, 1985. (In Russ.)
2. Afanas'ev A.N. *Narodnye russkie skazki* [Folk Russian tales]. Moscow, 1873 (In Russ.)
3. Afanas'ev A.N. *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu* [Poetic views of the Slavs on nature]. Moscow, 1994. (In Russ.)
4. Bogatyrev P.G., Yakobson R.O. *Fol'klor kak osobaya forma tvorchestva*. Bogatyrev P.G. Voprosy teorii narodnogo tvorchestva [Folklore as a special form of creativity.

- Bogatyrev P.G. Questions of the theory of folk art]. Moscow, 1971, pp. 369–383. (In Russ.)
5. Buslaev F.I. *Istoricheskie ocherki russkoy narodnoy slovesnosti i iskusstva* [Historical essays on Russian folk literature and art]. St. Petersburg, 1861. (In Russ.)
 6. Veselovskiy A.N. *Zamетки i somneniya o sravnitel'nom izuchenii srednevekovogo eposa*. A.N. Veselovskiy. Izbrannoe. Na puti k istoricheskoy poetike [Notes and doubts about the comparative study of the medieval epic. A.N. Veselovsky. Favourites. On the way to historical poetics]. Moscow, 2010, pp. 79–166. (In Russ.)
 7. Veselovskiy A.N. *Iz lektsii po istorii eposa*. Veselovskiy A.N. Istoricheskaya poetika. [From lectures on the history of the epic. Veselovsky A.N. Historical poetics]. Leningrad, 1940, pp. 446–493. (In Russ.)
 8. Veselovskiy A.N. *Poetika syuzhetov*. Veselovskiy A.N. Istoricheskaya poetika. [Poetics of plots. Veselovsky A.N. Historical Poetics]. Leningrad, 1940, pp. 493–597. (In Russ.)
 9. Veselovskiy A.N. *Sravnitel'naya mifologiya i ee metod*. A.N. Veselovskiy. Izbrannoe. Na puti k istoricheskoy poetike. [Comparative mythology and its method. A.N. Veselovsky. Selected works. On the way to historical poetics]. Moscow, 2010, pp. 167–211. (In Russ.)
 10. *Volshebnyy rog mal'chika: starinnye nemetskie pesni, sobrannyye Akhimom fon Arnimom i Klemensom Brentano* [The magic horn of a boy: ancient German songs collected by Achim von Arnim and Clemens Brentano]. S. Gorodetskiy (trans.). St. Petersburg, 2024. (In Russ.)
 11. Grimm Ya. *Germanskaya mifologiya* [Germanic mythology]. D.S. Kolchigin (trans.). Moscow, 2018. (In Russ.)
 12. Dandes A. *Krovavaya Meri v zerkale: ritual i polovoe sozrevanie*. Fol'klor: semiotika i/ili psikhoanaliz [Bloody Mary in the mirror: ritual and puberty. Folklore: semiotics and/or psychoanalysis]. A.S. Arkhipova (trans.). Moscow, 2003, pp. 231–248. (In Russ.)
 13. Dandes A. *Proektsiya v fol'klоре: v zashchitu psikhoanaliticheskoy semiotiki*. Fol'klor: semiotika i/ili psikhoanaliz [Projection in folklore: in defense of psychoanalytic semiotics. Folklore: semiotics and/or psychoanalysis]. A.S. Arkhipova (trans.). Moscow, 2003, pp. 72–108. (In Russ.)
 14. Zelenin D.K. *Vostochnoslavvanskaya etnografiya* [East Slavic ethnography]. K.D. Tsvina (trans.). Moscow, 1991. (In Russ.)
 15. Meletinskiy E.M. *Mifi skazka*. Izbrannyye stat'i. Vospominaniya [Myth and fairy tale. Selected articles. Memoirs]. Moscow, 1998, pp. 284–296.
 16. Meletinskiy E.M., Neklyudov S.Yu., Novik E.S., Segal D.M.. *Struktura volshebnoy skazki* [The structure of a fairy tale]. Moscow, 2001. (In Russ.)
 17. Meletinskiy E.M. *Strukturno-tipologicheskoe izucheniye skazki*. Meletinskiy E.M., Neklyudov S.Yu., Novik E.S., Segal D.M., *Struktura volshebnoy skazki* [Structural and typological study of a fairy tale. Meletinsky E.M., Neklyudov S.Yu., Novik E.S., Segal D.M. The structure of a magical tale]. Moscow, 2001, pp. 163–199. (In Russ.)
 18. *Narodnye russkie skazki* A.N. Afanas'eva [Folk Russian tales by A.N. Afanasyev]. Moscow, 1957–1958. (In Russ.)
 19. Neklyudov S.Yu. *O nekotorykh aspektakh issledovaniya fol'klornykh motivov. Fol'klor i etnografiya: U etnograficheskikh istokov fol'klornykh syuzhetov i obrazov* [On some aspects of the study of folklore motifs. Folklore and ethnography: At the ethnographic origins of folklore plots and images]. B.N. Putilov (ed.). Leningrad, 1984, pp. 221–229. (In Russ.)
 20. Potebnya A.A. *Iz zapisok po teorii slovesnosti* [From notes on the theory of literature]. Kharkov, 1905. (In Russ.)

21. Propp V.Ya. *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [Historical roots of a magical fairy tale]. Leningrad, 1986. (In Russ.)
22. Propp V.Ya. *Morfologiya skazki* [Morphology of a fairy tale]. Leningrad, 1928. (In Russ.)
23. *Skazki brat'ev Grimm* [Tales of the brothers Grimm]. Moscow, 2012. (In Russ.)
24. Skaftymov A.P. *Poetika i genezis bylin* [Poetics and genesis of epics]. Saratov; Moscow, 1924. (In Russ.)
25. *Ukazatel' skazochnykh syuzhetov po sisteme Aarne* [Index of fairy-tale plots according to the Aarne system]. Leningrad, 1929. (In Russ.)
26. Blyton E. *Five on a Treasure Island*. London, 1942.
27. Dahl R. *Charlie and the Chocolate Factory*. New York, 1964.
28. Dégh L. *Narratives in Society: A Performer-Centered Study of Narration. Folklore Fellows' Communications*. Helsinki, 1995.
29. Hughes T. *Tom Brown's Schooldays*. Cambridge, 1857.
30. Jones D.W. *Howl's Moving Castle*. New York, 1986.
31. Malinowski B. *Myth in Primitive Psychology*. New York, 1971.
32. Uther H.-J. *The Types of International Folktales. A Classification and Bibliography. Parts I–III*. Helsinki, 2004.

Поступила в редакцию 21.04.2025

Принята к публикации 27.05.2025

Отредактирована 07.09.2025

Received 21.04.2025

Accepted 27.05.2025

Revised 07.09.2025

ОБ АВТОРАХ

Ольга Викторовна Александрова — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английского языкознания, зам. декана филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по научной работе; ovaleksandrova@gmail.com

Салават Маркленович Конурбаев — аспирант, кафедра английского языкознания, филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова; salavat@konurbayev.ru

ABOUT THE AUTHORS

Olga V. Aleksandrova — Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of English Linguistics, Deputy Dean for Research, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; ovaleksandrova@gmail.com

Salavat M. Konurbayev — post-graduate student, Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; salavat@konurbayev.ru